

УДК 94(571.1)

ББК 63.3(253.3)5-282.1

Становление классового сознания у рабочих Западной Сибири конца XIX — начала XX в.*Ю.М. Гончаров, В.Н. Фаронов*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Formation of Class Consciousness among the Workers of Western Siberia at the End of the XIX — the Beginning of the XX Century*Yu.M. Goncharov, V.N. Faronov*

Altai State University (Barnaul, Russia)

В исследовании показывается неоднородность рабочего класса Сибири по социальному происхождению, во многом влиявшая на классовое развитие. Становление классового сознания находилось только на начальном уровне и даже несколько понизилось в начале XX в., в связи с наплывом крестьян в город и на предприятия. Тем не менее уже выделился незначительный слой квалифицированных рабочих, имевших образование, высокий уровень доходов, больший кругозор, приближавшихся по своему мировоззрению и жизненному укладу к городской мелкой буржуазии. Некоторые из таковых становились идейными борцами за интересы своего класса. Это были сформировавшиеся рабочие кадры, которые, помимо профессиональной дисциплины и квалификации, обладали активной жизненной позицией и включались практически во все социальные сферы: в образование, искусство, науку, политику. Однако основная масса пролетариата обладала архаическим сознанием с присущей ему пассивной жизненной позицией, низким стандартом жизни, крестьянским менталитетом и т.п. Вместе с тем в это же время отмечается рост рабочего самосознания, чувства личного достоинства, классовой солидарности, что проявилось в нарастании борьбы рабочих за свои интересы и в развитии рабочей кооперации.

Ключевые слова: рабочий класс, классовое сознание, архаика, модернизация, квалификация.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-07

В конце XIX — начале XX в. в Сибири продолжался процесс формирования промышленного рабочего класса. В социокультурном плане промышленный пролетариат значительно отличался от сословий крестьян и мещан, из которых черпал основные свои кадры. Рабочий превосходил крестьянина широтой кругозора, степенью свободы, чувством собственно-

The study shows the heterogeneity of the working class of Siberia on the social origin, which largely affected the class development. The formation of class consciousness was only at the primary level and even slightly decreased in the early XX century, due to the influx of peasants to the city and the factories. Nevertheless, one could distinguish a slight layer of skilled workers who had education, high income, greater vision, and approached in their outlook to the way of life to the urban petty bourgeoisie. Some of them became ideological fighters for the interests of their class. They were people who in addition to professional discipline and skill, had an active lifestyle and participated in almost all social sectors: in education, art, science, politics. However, the majority of the proletariat had archaic consciousness with an inherent passive lifestyle, low standard of living, the peasant mentality, etc. However, at the same time there was an increase in working consciousness, a sense of personal dignity, class solidarity which was manifested in the growth of the workers' struggle for their interests in the development of workers' cooperative.

Key words: working class, class consciousness, archaic, modernization, qualification.

го достоинства, стремлением к культурному росту. Становление новой классовой культуры шло постепенно, с разными качеством и скоростью у различных групп рабочих.

В настоящей статье предпринимается попытка осветить некоторые вопросы становления классового сознания рабочих Западной Сибири. Исследование осно-

вано на материалах архивов Барнаула, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Тобольска и Томска, данных статистики и периодики, а также исследований рабочего класса Сибири.

Культурный генезис рабочего класса. В Западной Сибири рассматриваемого периода рабочий класс не был однородной социальной группой. В него входили небольшой слой квалифицированных рабочих транспорта и обрабатывающей промышленности, значительное количество рабочих из бывших мастеровых кабинетских предприятий Алтая, рабочих приисков и неквалифицированного пролетариата городов и промышленных сел. Основной кадровой базой формирования пролетариата являлось крестьянство. Пополняли его ряды также и городские мещане, ссыльнопоселенцы, бывшие военные и др. Особенностью формирования сибирского пролетариата было наличие в нем значительного числа переселенцев из Европейской России [1, с. 457; 2 с. 217].

Большинство городских рабочих происходили из крестьян и небогатых мещан. В связи с усилением в начале XX в. притока крестьян в города их удельный вес в рядах пролетариата возрастал [3, с. 240–241]. По некоторым данным, доля крестьян в городах Западной Сибири к 1910 г. увеличилась до 36,3%, по сравнению с 9,3% в 1860–1963 гг. [3, с. 92]. Исследователи отмечают значительное влияние крестьянской психологии на городские слои [4, с. 126]. Как отметил Б.Н. Миронов, «после эмансипации резко усилившийся поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестывание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни, что стало тормозить (остановить процесс было невозможно) созревание светского буржуазного менталитета» [5, с. 341]. Впрочем, само крестьянство уже не представляло собой прежнего, полностью традиционно ориентированного социального слоя. Традиция в крестьянской среде также подвергалась разложению под давлением развивающихся капиталистических отношений. Другое дело, что крестьянство оставалось более традиционным по сравнению с городским населением, которое уже в значительной степени подверглось влияниям модернизационных процессов. И в этом плане несомненно его консервативное влияние на городские слои при массовой миграции в город.

Консервативной социальной группой можно признать и потомственных рабочих из числа бывших кабинетских мастеровых, сохранявших относительно большую связь с землей. По данным исследования имущества рабочих Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи было установлено наличие значительного домашнего хозяйства у многих исследуемых [6]. Некоторые рабочие после освобождения от принудительного труда на ка-

бинетских предприятиях переходили к крестьянскому труду [1, с. 110]. Об этом, в частности, пишет в своем рапорте управляющий рудниками и заводами Змеиногорского края: «Рабочие, уклонившиеся раз от заключения годовых контрактов, принимаются или за хлебопашество, или за другие заработки и мало-помалу вовсе устраняются от горнозаводских работ» [7]. Лишь неблагоприятные для мастеровых условия раздачи земли после их освобождения в 1860-х гг. — небольшие размеры земельных участков, их отдаленность от мест проживания, введение не бывших ранее платежей и повинностей и др. обеспечили впоследствии заводам возвращение большей части прежней рабочей силы [8, с. 133–140; 9, с. 38].

Однако связь с землей не является основным критерием, определяющим степень развитости рабочего класса России. На наш взгляд, консерватизм бывших мастеровых был следствием по преимуществу другой причины. Эти рабочие составляли, даже после отмены своей зависимости от Кабинета, специфическую сословную группу, что не могло не сказаться отрицательно на их классовом становлении. Мастерские, трудившиеся на мануфактурных, технически слабо переоснащенных предприятиях, «представляли собой скорее типичных мануфактурных работников, нежели фабрично-заводских: полуграмотных, с узким техническим кругозором, с замкнутым, патриархальным, полукрестьянским устоем жизни, которая в глухих селениях, оторванных от культурных и общественных центров сотнями верст, как бы остановилась в своем развитии» [9, с. 75]. Говорить о высоком уровне классового сознания в данном случае не приходится.

Рассмотрим ситуацию у приисковых рабочих. Среди них присутствовало значительное число ссыльных (до 40% от всех работников [10, с. 42]). Здесь также было много приходивших на заработки крестьян и мещан.

Основным поставщиком кадров пролетариата по-прежнему оставалась деревня. А.Е. Плотников так характеризует этих рабочих: «Воспитанная годами деревенской жизни забитость и приниженность лишь углублялись в таких рабочих их новым положением „отверженных“... с трудом попав на какое-либо предприятие, годами безропотно трудились за кусок хлеба, выносили побои, лишения, надругательства со стороны владельцев... Это давно забросившие собственное хозяйство, чаще всего бесхозяйные крестьяне („бобыли“, „худшие“, „заматавшиеся“, как их называли в те годы) подвизались на различных поденных работах, тянули лямку на соляных, рыбных, кирпичных, кожевенных и т.п. промыслах, получая жалкие гроши, обитая в заброшенных сараях, банях, и являли собой самые низы сибирского населения, по существу, люмпен-пролетариат. Очевидцы, рисуящие поистине потрясающие картины трудовой жизни и быта таких рабочих, подчеркивали, что „этот усталый, не просы-

хающий и не обогреваемый вечный труженик ни одним словом не выразил жалобы или, по крайней мере, недовольства на свое житье, так он принижен, загнан и забит» [9, с. 77–78]. Конечно, такие рабочие были не только из крестьянской среды, но и из иных сословий. Другое дело, что именно крестьянская психология в наибольшей степени способствовала формированию типа рабочего, уделом которого становились фатализм, безысходность и оценка себя как «пропащих людей» [11, с. 95].

Значительная часть рабочих состояла из пришлых, в основном из Европейской России. Большой частью они являлись наиболее обездоленными и наименее культурно развитыми рабочими, так как не имели собственности, квалификации и были в основном полностью безграмотными [12, с. 223].

Наконец, присутствовала в Западной Сибири и немногочисленная прослойка квалифицированных рабочих железных дорог, типографий, предприятий горной и горнодобывающей, а также обрабатывающей промышленности и водного транспорта. Среди таковых встречались и местные рабочие, и приехавшие из других регионов Российской империи. Так характеризовались квалифицированные рабочие железных дорог — машинисты и помощники машинистов, — газетой «Вестник Сибирской железной дороги»: «Корпорация сильная в известных пунктах своею численностью и хорошими заработками. Она насчитывает в своих рядах массу лиц, получивших порядочное образование, людей воспитанных, способных и энергичных» [13, с. 5]. Среди квалифицированных рабочих встречались и представители образованных слоев российского общества. Например, в перечне претендентов на вакантные должности машинистов и помощников машинистов монопольного винного склада в г. Томске среди прочих было 5,2% дворян и потомственных почетных граждан [14]. Эти рабочие составляли активную часть пролетариата, устремленную либо к революционной борьбе, либо к переустройству своей жизни на буржуазный лад в рамках существующей социально-политической системы.

Не последнюю роль в формировании рабочего класса играла и окружающая человека среда, тот социокультурный слой, в котором он жил, те люди, с которыми он каждодневно общался. Наиболее сильное влияние на становление человека нового индустриального мира оказывала жизнь в городе, отрывающая бывшего селянина от его прежнего деревенского уклада. Это в полной мере касалось рабочих крупных и средних городов, таких как Тобольск, Омск, Томск, Барнаул, позднее Новониколаевск. Однако в таких городах к 1895 г. в целом по Сибири проживало только около 1/3 рабочих [1, с. 118]. Конечно, в дальнейшем, после проведения Сибирской железной дороги, количество рабочих, живущих в крупных и средних городах, заметно увеличилось. Тем не менее значительное

число рабочих продолжало трудиться в сельской местности. Согласно данным промышленной переписи 1908 г. 58,7% (10 782 чел.) рабочих фабрично-заводской промышленности Сибири были сосредоточены в 10 крупных городах, 7,6% (1409 чел.) рабочих этой же отрасли — в малых городах и 33,7% (6189 чел.) — в сельской местности [15, с. 174].

Естественно, что скорость и качество изменения сознания были различными и находились в прямой зависимости от места проживания и работы — значительными в крупных и средних городах, меньшими в малых и еще менее значительными в промышленных селах, где связь с землей и деревенское окружение тормозили процесс становления нового менталитета, но все же остановить его были не в силах — даже рабочие, живущие в селе, уже осознавали себя отдельной от крестьян группой, снисходительно относились к крестьянскому труду, считая его менее важным и более легким: «посеял мешок зерна — получил два, рассуждали некоторые» [16, с. 52]. Это доказывает и хозяйственная практика. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., располагавшиеся в Бийском уезде два соседних села — Соколовское и арендуемый поселок Иткульский Завод, — составлявшие, по сути, один населенный пункт, имели различный хозяйственный уклад. Рабочие села Иткульский Завод владели в среднем по 0,8 дес. на хозяйство, крестьяне села Соколовского владели в среднем 4,8 дес. посевов на двор [17, с. 100–101]. Таким образом, даже проживающие в одном населенном пункте рабочие и крестьяне значительно различались по типу хозяйственной деятельности и соответственно по менталитету. Последнее подтверждают и выводы В.П. Андреева и М.В. Дорофеева: «в зоне железных дорог, волостях, где располагались угольные копи, сельское население и рабочие жили совместно в одних селениях, при этом рабочие осознавали себя особой социальной группой» [18, с. 87]. Рабочие, проживавшие в сельской местности, уже выделялись из сельского окружения и по своей психологии, и по быту, и по внешнему виду: «Д. Поникаровский отмечал, что рабочие Гурьевского завода отличались высокой грамотностью... привычкой одеваться, и даже „по бледному лицу, неразвитой груди и сухопарому телосложению“, которые выработались годами тяжелого труда. Рабочие Гавриловского завода выделялись из крестьянского окружения городским платьем, лоском в обращении и походке, в манере говорить» [11, с. 96].

Горожане в целом относились к деревенским жителям высокомерно, считая их глупыми и невежественными. Есть интересные свидетельства отношения горожан к жителям села, которое, вероятнее всего, было присуще и рабочим: «По отношению к деревенским жителям и остякам жители Сургута ведут себя высокомерно, считая свой быт и свое нравственное разви-

тие образцовыми. Остяков они называют „собаками“, крестьян, в особенности из земледельческих округов губернии, чалдонами, передразнивают их говор „Аки, паря“ и пр.» [19]. Так же и вчерашние деревенские жители, оказавшиеся в городском кругу, часто не хотели даже в мелочах возвращаться к деревенскому укладу. Так, один, в прошлом деревенский, старик «вращаясь среди городского населения... старался чистить свой язык от деревенщины, над которой в городах только смеются». А однажды, когда девочка по имени Маша попыталась рассказать автору записей что-то о деревенской жизни, «старик остался недоволен... и выразил Маше свое неудовольствие за то, что она вздумала вводить меня, городского жителя, в круг деревенского языка и миросозерцания» [20].

Мы можем констатировать, что как по степени достатка, так и в культурном плане рабочие не являлись однородным социальным слоем. На наш взгляд, в целом можно принять трехкатегориальное деление рабочих в соответствии с их культурным обликом, данное К.В. Фадеевым. К первой категории автор относит квалифицированных рабочих, которые «по внешнему виду и манере держаться... не отличались от представителей интеллигенции и служащих» [21, с. 99]. Так, для них стало обязательным «ношение нательного белья; выходного костюма — так называемой пары (пиджака, длинных, узких брюк и косоворотки) или тройки (пиджака, жилета, брюк)» [12, с. 222]. Мещанское влияние проявлялось и в изменении быта. От грязи и неухоженности внутреннего и внешнего пространства жилых помещений квалифицированные рабочие переходили к упорядоченности и чистоте: «заметное распространение мягких диванов и кресел, трюмо, платяных шкафов, но, как правило, дешевой рыночной работы. Детали убранства жилищ (грубо раскрашенные фарфоровые статуэтки, дешевые безделушки, лубочного типа литографии и т.п.)» [12, с. 223].

Напротив, низкоквалифицированные рабочие массовых профессий — вторая категория — «владели земельными наделами, собственным или арендуемым жильем. Данный социальный слой владел лишь элементарной грамотностью, что суживало возможности роста культурного уровня. В их среде намного дольше сохранялись обычаи и обряды в традиционной форме, удерживались и некоторые элементы аграрной обрядности — новогоднее колядование и т.д.» [21, с. 99].

Наконец, имелась и «третья категория рабочих, занятых на вспомогательных работах. Среди этой категории преобладали недавно прибывшие из сельской местности юноши и девушки, одетые, как правило, в крестьянское платье и по внешнему облику неотличимые от крестьян с «окладистыми бородами, в крестьянских шапках и армяках, подпоясанных веревками... Неграмотность среди них практически поголовная лишала рабочих возможности воспринимать культурные ценности индустриального общества...

Повышение уровня преступности в этой среде связывалось с тем, что не привыкшие к самоконтролю молодые люди легко давали волю агрессии» [21, с. 99–100].

Личность и коллективизм рабочего. В пореформенное время начался процесс личностного становления рабочего человека, проявившийся в первую очередь во все возрастающем стремлении добиться к себе уважительного отношения как к личности. Рабочие уже не хотели мириться с прежним обращением. Они часто протестовали против грубости и применения физической силы, против сексуальных домогательств со стороны администрации к работникам. Даже обращение на «ты» могло вызвать протестную реакцию. В сибирских газетах писали: «В среде рабочего населения стали появляться люди независимые...», «...появляются личности... с чувством человеческого достоинства и с жадой умственного развития» [9, с. 81]. Рабочие протестовали как коллективно, так и индивидуально, подавая иски в мировые суды.

Приведем пример успешного отстаивания рабочими личного достоинства. В циркуляре Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, датированном 4 мая 1905 г., предназначенном надзирателям и заведующим винными складами Тобольской губернии и Акмолинской области, утверждалось, что Управление «осмотр рабочих при выходе их из складских помещений... признает мерой стеснительной для рабочих и неоправдываемую действительную надобностью и предложило осмотр этот отменить, для предупреждения же уноса рабочими из складов казенных питей или другого имущества, установить во всех отделениях складов тщательный в этом отношении надзор через имеющихся при отделениях приказчиков. Осмотр рабочих может быть допущен лишь в виде временной меры в случаях исключительных... и при том непременном условии, чтобы осмотр работниц обязательно был производим женщинами» [22]. Из этого документа однозначно следует, что досмотры рабочих проводились постоянно и, вероятно, в грубой форме, кроме того, работниц досматривали мужчины, что также являлось унижением достоинства работниц. Революционные события и рабочая борьба изменили ситуацию — администрация была вынуждена отказаться от порядков, унижающих достоинство рабочих.

В наибольшей степени развитие личности и коллективизма рабочих отразилось в деятельности самого распространенного типа рабочих объединений — артели. Артель можно определить как основную форму проявления рабочего коллективизма в Сибири и в России в целом, представляющую собой объединение группы рабочих определенной профессии, на основе самоорганизации, для выполнения совместных работ. Артели могли быть уставными, что требовало регистрации и принятия внутреннего устава соглас-

но российскому законодательству, и неуставными, создававшимися на договорной основе, без всякой регистрации. Подавляющее большинство артелей были неуставными. По всей Сибири к 1905 г. имелось лишь пять уставных артелей [11, с. 212–213]. Но в любом случае работодатель заключал договор со старостой артели, который и являлся ее представителем и руководителем. Приведем одно из описаний характера старательских артелей Западной Сибири в 1900 г.: «Внутреннее устройство артели старателей предоставляется ее усмотрению, но в артели непременно должен быть выбран распорядитель или староста, который ответственен за выполнение артелью всех существующих правил для разработки приисков, а также и за соблюдением внутреннего порядка в артели... Артель не имеет права держать в среде своей лиц, не поименованных в артельной книжке. В состав артели могут входить жены членов артели и дети их не моложе 15 лет, а число участников артели может быть не менее трех человек. Артелям, получившим разные участки одного и того же прииска, дозволяется составлять между собою товарищества, которые сообща могут производить более значительные работы на прииске» [23].

Генетическая связь артели с крестьянской общиной проявлялась во внутреннем устройстве артели: «Заработок в артели распределяется поровну только между полноправными членами, староста получал два пая, новички — от четверти до трех четвертей пая. Прием и увольнение из артели происходили по решению общего собрания. Увольнялись из артели за вредительство товарищу, за прогулы, за слабосильность, из-за продолжительной болезни... Старики получали полный пай до тех пор, пока были в силах приходить на работу. Можно сказать, что артель не доплачивала молодым холостым работникам и переплачивала старым, обремененным семействами... Деньгами артели распорядился староста, но для проверки его действий назначались счетчики» [11, с. 213–214]. Артель использовалась в таких отраслях, как горнодобывающая, строительство, судоходство, извоз и т.п., т.е. там, где капитал был вынужден использовать докапиталистические формы организации труда [11, с. 214].

В дальнейшем количество артелей разных профессий лишь возрастало. Так, барнаульский каменщик Степан Мельников писал в своих воспоминаниях: «В 1910 г. в городе Барнауле начали возникать трудовые кооперативные артели других профессий, кроме строителей. Приблизительно в августе открылась первая Сибирская Трудовая артель механическая по уставу, утвержденному Министерством... При открытии членов было 6–7 чел. Впоследствии членов доходило до 18–20 чел. В артель рабочие входили следующих цехов: кузнецы, литейщики, модельщики, токоря и слесаря... По утверждении устава артель открыла действия в кузнице С.Я. Кузнецова. Осенью перешла

в построенный деревянный завод, а в 1911 г. сделали каменную пристройку» [24].

По характеру рабочие организации не ограничивались только артелями. Постепенно начинала занимать важное место потребительская кооперация. Начало массового кооперативного потребительского движения было положено в 1912 г. В это время учреждаются уставы городских кооперативов в Маринске, Новониколаевске, Томске и других населенных пунктах [25]. Впрочем, говорить о масштабности потребительской кооперации рабочих не приходится, так как она была в начальной стадии своего становления и в своем большинстве кооперативы находились в зависимости от администрации.

Культурный рост рабочих. Тяжелые условия жизни и быта ломали характер многих рабочих, опуская на самое дно. У таковых жизнь превращалась в серые, монотонные и бессмысленные будни, «скрашиваемые» пьянством и разнузданным поведением. Одним из следствий такого состояния духа становились психические заболевания, рост которых в Сибири превышал рост в Европейской России, а в Томской губернии был наивысшим по Сибири [26, с. 9]. Это объяснялось тогдашними исследователями тем, «что население Сибири вообще и Томской губернии в частности, переживающее в последнее время коренную ломку старых устоев жизни, выведено из состояния душевного равновесия» [26, с. 9].

Однако эти же трудности укрепляли и закаляли характеры многих других людей, которые, несмотря ни на что, смогли подняться над ситуацией. Наиболее ярко это просматривается на примерах тяги рабочих и их детей к знаниям и учению. Вот что пишет о себе Н.К. Култышов: «Семилетним мальчуганом я впервые направился в школу, отстоящую от селения в 1,5 верстах... Регулярно в течение трех лет я мерил это расстояние вместе с другими товарищами — детьми рабочих нашего завода» [27]. Далее автору строк из-за нужды пришлось прервать учение, которое он называет своим «сокровенным желанием». Из тех, кто продолжал обучение, большинство оставались рабочими. Однако некоторым удавалось изменить свое социальное положение. Так, среди авторов исследуемого материала двое стали учителями [28, 29, с. 63]. В других источниках указывается на случаи, когда дети рабочих становились один госслужащим, другой — учащимся одной из школ по подготовке инженеров в Санкт-Петербурге [30]. Аналогичная ситуация наблюдалась и у российских рабочих. Ю.И. Кирьянов отмечает: «Благоговейным было отношение большинства рабочих к образованию, знаниям, квалификации, культуре. Рабочие проявляли жажду „света культуры“, стремились к повышению образовательного уровня. Это в известной мере обуславливалось объективными условиями — усложнением производства, городской жизнью, но в определенной мере и желанием — благо-

даря этому — „обустроить“ жизнь, сделать ее лучше, более обеспеченной в материальном отношении» [31, с. 70]. О стремлении детей из рабочих семей получить образование свидетельствует, например, факт очень низкого процента выбывших из числа учащихся фабрично-заводских школ. Так, в 1911 г. по разным причинам из подобного типа школ в городах выбыло только 13,8% учащихся мальчиков. Этот показатель был на тот год ниже только в «Школах Императорских Воспитательных Домов Министерства Внутренних Дел», где он составил 13,5%, и в школах с незначительным количеством учащихся, отмеченных в графе «Прочие начальные школы», где он равнялся 12,8% [32, с. 72].

О.С. Поршнева разделяет рабочих на три категории в зависимости от их отношения к образованию. Одни стремились за счет образования «выйти в люди», другие связывали с образованием задачи социального переустройства и, наконец, третьи относились к учебе как к своего рода развлечению. Наиболее развитые рабочие, квалифицированные и социально активные, стремились к образованию для обогащения своей духовной жизни, профессионального совершенствования и изменения к лучшему своего быта и материального достатка. Эта категория рабочих активно участвовала в деятельности различных культурно-просветительных организаций и различных самостоятельных мероприятиях [12, с. 227–228]. Об этом свидетельствует, например, в своих воспоминаниях о революционной подпольной борьбе томский печатник Е.А. Муравьев: «В 1898 году... был придуман способ сближения с кожевниками такой: использовать приближающиеся праздники пасхи устройством спектакля на заводе... устраивается на сушилке кож спектакль, т. е. литературный вечер происшедший при большом стечении публики» [33]. О подобном пишет и В.И. Семевский: «на Неожиданном прииске Южноалтайского комп. недавно устроено особое здание для народных чтений и спектаклей, которое живо интересует рабочих и приносит им большую пользу: не смотря на то, что приходится рано вставать, рабочие простаивают весь спектакль, как бы поздно он ни оканчивался. Несколько лет тому назад на этом прииске рабочие после спектакля, устроенного служащими, получили разрешение устроить свое театральное представление и сыграли „Короля Максимилиана“» [34, с. 119]. В 1903 г. открывается томский железнодорожный клуб для служащих и рабочих железной дороги, который в первый же день посетили около 700 человек. В задачу клуба входило устройство времяпровождения «с удобством, приятностью и пользой» его участников и членов их семей [35, с. 95].

Многие рабочие посещали воскресные школы, различные кружки самообразования, занимались самостоятельно. Вот что писал в воспоминаниях

В.Е. Воложанин о рабочем Иване Осиповиче Селезневе: «Селезнев все свободное время пропадал в библиотеках, уезжал для этой цели в Томск. Получая один рубль в день, он значительную часть своего заработка тратил на книги и журналы. Селезнев поражал всех своей начитанностью и умением декламировать стихи, пользовался большим влиянием среди рабочих, которые звали его студентом... он имел колоссальную память и увлекался лингвистикой, изучая английский, немецкий и французский языки, наконец, он увлекся языком эсперанто и изучил его настолько, что он свободно говорил на нем и вел большую переписку с эсперантистами разных стран. Кроме того, он увлекался философией, в рабочих кружках выступал как лектор. Умер он в Париже, будучи редактором журнала эсперантистов» [11, с. 93–94]. Конечно же, это очень редкий и единичный случай, но, тем не менее, весьма показательный.

В конце XIX — начале XX в. в крупных городах Сибири открываются публичные библиотеки, некоторые из них были бесплатными, появляются российские издательства, специализирующиеся на печатании дешевой литературы в массовых масштабах. Все это позволило широким народным массам, в том числе и рабочим, приобщиться к книжной культуре. В целом по России основная масса грамотных рабочих предпочитала дешевую лубочную литературу. Квалифицированные рабочие предпочитали классику, в первую очередь Гоголя, Пушкина, Некрасова, Тургенева, Чехова, Короленко, Горького. Меньше всего у рабочих пользовалась популярностью религиозно-нравственная литература, а наибольшей — исторические рассказы и романы [12, с. 230–231].

Говоря об образовании рабочих, об их стремлении к знаниям, мы не можем обойти вопрос результатов этого стремления, качества и характера приобретаемых, прежде всего квалифицированными рабочими, знаний. На наш взгляд, этот аспект лучше всего выразил В. Зомбарт. Конечно, его слова относились к рабочим Запада, но они, на наш взгляд, дают универсальную обобщенную характеристику положения дел в этой области у всех промышленных рабочих вне зависимости от регионального контекста: «„жажда знаний“ существует ныне во всех лучших рабочих кругах... „стремление к образованию“, причем под образованием понимается при этом главным образом скопление „знаний“, которые заимствуются из книг, т.е. знаний, уже переработанных чужим умом. Не созерцание вещей привлекает этих людей, не к инстинктивному пониманию действительности при помощи чувств стремятся они, не действие и творчество сами по себе составляют предмет их страстных желаний, но „познание“, т.е. выработка известной системы понятий... „образование“ и „критика“ у огромной массы отстаивается на полдороге. Они теряют свою жизненность, окостеневают в догмы теории, в догмы практи-

ки. Они становятся банальностями, которые заполняют ум. Человек, счастливо освободившийся от предрассудков и суеверий и считающий себя „свободным“, попадает в неразрывную сеть окаменевших „теорий“, в которой он может двигаться не с большей свободой, чем прежде естественный человек в цепях предрассудка и суеверия. Пусть круг понятий, в который он попал, называется атеизмом, дарвинизмом, классовой борьбой, антисемитизмом, интернационализмом, эксплуатацией или социальной революцией, или еще как-нибудь, — все равно: достаточно сказать, что он стоит на месте. Так... достигается в огромной массе пролетариев полного развития опять-таки черта современного человека: догматизм... пролетарий является воплощенным догматиком» [36, с. 90–93].

Этот вывод Зомбарта для нас важен по следующей причине. Когда утверждается наличие «пролетарской идеологии», «политического мировоззрения рабочего класса» и подобное, мы должны понимать, что речь идет не о творчестве самих рабочих, а об интеллектуальном продукте, создаваемом «для рабочих» интеллигенцией. Порог восприятия таких идей, даже у относительно хорошо образованных рабочих, был низким, и они впитывали в себя упрощенные схемы «рабочих» идеологий, соотнося их с остатками архаического мировосприятия и теми самыми «научными догмами», о которых писал Зомбарт. Таким образом, рабочие, отошедшие от традиционного мировоззрения, в то же время еще не выработавшие культуры самостоятельного мышления, легко становились объектами манипуляций политических авантюристов, прежде всего радикального толка, из среды образованных социальных слоев.

Отметим также, что, несмотря на стремление к образованию, в своей массе сибирские рабочие представляли собой людей с архаическим типом мышления, о чем свидетельствует, например, наличие в рабочей среде суеверий и их значительного влияния на жизнь пролетариата. Приведем такой пример. В своих воспоминаниях барнаульский рабочий Решетников обращает внимание на такой интересный и немаловажный факт, как существование в рабочей среде знахарства. Он пишет: «Бабушка, мать моей матери... среди жен рабочих слыла хорошей бабкой-повитухой и знахаркой. Лечила детишек от „родимчика“, а взрослых от лихорадки, заговаривала кровь... лечила и коров от укуса змеи» [37]. Более того, эта бабушка, по всей видимости, благодаря своим занятиям имела некоторое влияние и на городское чиновничество: «Старшего брата Александра бабушка любила и баловала больше всех. Она устроила его учиться в горное училище, куда принимали только детей чиновников. Но бабушка через своих знакомых все-таки добилась того, что брата приняли» [37]. Об этом же явлении пишет в своем медицинском отчете по больницам Судженских каменноугольных копей врач В.Л. Борман: «... темнота духовная; сплошь и рядом приходилось науке вступать в состязание с знахар-

ством, к сожалению, чаще исправляя тот вред, который оно принесло, что наиболее бросается в глаза при акушерской помощи» [38, с. 41]. В «Медицинском годовом отчете по Салаирскому краю за 1883 г.» утверждалось: «Жители Салаирского края вообще неохотно прибегают к медицинским пособиям, в большинстве случаев только тогда когда все народные и домашние средства остаются без пользы и поэтому встречаются очень многие одержимые хроническими болезнями, но более неохотно поступают больные в Салаирскую больницу» [39].

Отметим и долго оставшиеся популярными в народе кулачные бои — также реликт архаичного времени. Они практиковались на Масленицу. В Томске кулачные бои проводились между русскими городскими обывателями и слободскими татарами. Есть свидетельство об их проведении в 1880-е гг., а также в 1899 г., когда бои проходили на реке Ушайке вблизи Обруба [40, с. 70]. О кулачных боях в Барнауле свидетельствовал в своих воспоминаниях рабочий Г.П. Малетин [28]. Можно предположить, что массовые кулачные бои были повсеместно распространенным видом развлечения, постепенно уходящим в прошлое.

Заключение. Рабочий класс не был однороден как по своему социальному происхождению, так и по уровню классового развития. На последнее влияли происхождение, квалификация и место проживания: наиболее благоприятными были городские условия, менее благоприятными — сельские, но везде с разной скоростью шло становление нового рабочего менталитета.

Квалифицированные рабочие, имевшие образование, высокий уровень доходов, большой кругозор, по своему мировоззрению и жизненному укладу приближались к городской мелкой буржуазии либо становились идейными борцами за интересы своего класса. Это был уже тип сформировавшихся промышленных рабочих, которые, помимо профессиональной дисциплины и квалификации, обладали активной жизненной позицией и включались практически во все социальные сферы: в образование, искусство, науку, политику. В Западной Сибири такие рабочие составляли незначительный слой. Основная масса пролетариата имела более архаическое мировоззрение и низкий жизненный стандарт, находясь зачастую на грани выживания.

Господствовавшие в рабочей среде коллективистские отношения (артель) были основаны скорее на крестьянской ментальности, чем на рабочем корпоративизме, который был свойствен зрелому пролетариату Запада и незначительному слою квалифицированных рабочих России, в том числе и Сибири. Вместе с тем наблюдался рост рабочего самосознания и чувства собственного достоинства. Становление личности рабочего было уже заметным, что особенно явно наблюдалось в становлении и развитии независимой рабочей кооперации.

Библиографический список

1. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. — Новосибирск, 1982.
2. Тужиков В.И. Источники формирования рабочих кадров Сибири во второй половине XIX века // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири : сб. науч. тр. — Новосибирск, 1978.
3. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. — Барнаул, 2007.
4. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2004.
5. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 2003. — Т. 1.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.
7. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 175.
8. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. — Томск, 1972.
9. Плотников А.Е. О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири : матер. науч. конф., посвященной 400-летию присоединения Сибири к России. — Томск, 1984.
10. Плотников А.Е. К вопросу об объективных предпосылках классового формирования рабочих в 1895–1907 гг. // Рабочие Сибири периода империализма. — Томск, 1976.
11. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
12. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. — М., 2009.
13. Не движенец. «Враждующие лагеря» // Вестник сибирской железной дороги. — 1903. — № 13. — 27 марта.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 209. — Оп. 1. — Д. 136.
15. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. — февраль 1917 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. — Барнаул, 1991.
16. Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. — Томск, 2007.
17. Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2010.
18. Андреев В.П., Дорофеев М.В. Крестьяне-отходники на угольных коях Кузбасса в начале XX в. // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века: матер. Всерос. науч. конф. Прокопьевск, 24–25 сентября 2009 г. — Прокопьевск, 2009.
19. Архив Русского географического общества (АРГО). — Р. 61. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 40. Сборник наблюдений и замечаний о народном быте в Тобольской губернии. 1891.
20. АРГО. — Р. 61. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 5–6. Пятый сборник наблюдений над народной жизнью. 1897–1899. составлен Ф.К. Зобненым.
21. Фадеев К.В. Влияние социально-экономического развития на рабочих индустриальных центров Томской губернии в конце XIX — начале XX века // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века : матер. Всерос. науч. конф. Прокопьевск, 24–25 сентября 2009 г. — Прокопьевск, 2009.
22. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ). — Ф. 21, Оп. 1. — Д. 93. — Л. 40.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 37. — Оп. 65. — Д. 3030. — Л. 32.
24. «О трудовой кооперации» (Из воспоминаний каменщика Мельникова Степана Федорович) // ГААК. — Ф. 86. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 14.
25. Г.М. Запорожченко. Проблемы формирования и развития низовой сети потребительской кооперации в городах Сибири в начале XX в.: Новониколаевский кооператив «Экономия» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/en/--gn13-05/849-a>
26. Статистический очерк. Томск, 1917.
27. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). — Ф. 76. — Оп. 2. — Д. 197.
28. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 19.
29. Томские женщины двадцатого века. — Томск, 2003.
30. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 232, 1070.
31. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1817. СПб., 1997.
32. Однодневная перепись начальных школ Российской Империи, произведенная 18 января 1911 года. — Выпуск XVI, итоги по империи. — Пг., 1916.
33. ГАО. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 30.
34. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование. — Т. 2. Положение рабочих после 1870 г. — СПб., 1898.
35. Сердюк В.А. Деятельность Томского железнодорожного (клубного) собрания в начале XX в.: социокультурный аспект // Вестник Томск. гос. ун-та. — 2012. — № 359.
36. Зомбарт В. Пролетариат. Очерки и этюды. — СПб., 1907.
37. ГАО. — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 3.
38. Борман В.Л. Годичный медицинский отчет по больнице Судженских каменноугольных копей (1907 г.) // Горные и золотопромышленные известия. — 1908. — № 3–4.
39. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 1253.
40. Серякова Н.А. Развлечения на Масленицу в Томске во второй половине XIX в. // Вестник Томск. гос. ун-та. — 2011. — № 348.